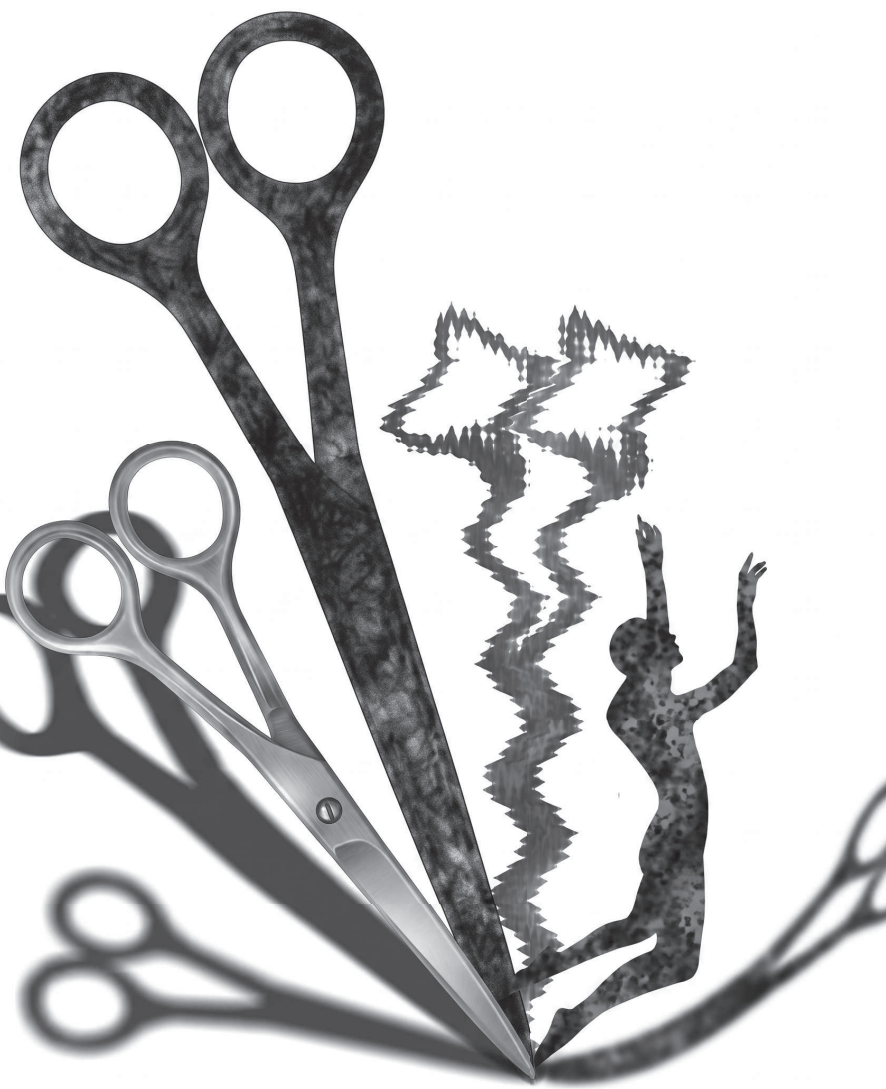

СЮНО
МАСАЮКИ

ЧЕЛОВЕК- НОЖНИЦЫ

INSPIRIA
Москва

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44
С98

殊能將之

サミ男

© 2002 Masayuki Shunou. All rights reserved. Published in Japan in 2009
by KODANSHA LTD., Tokyo. Publication rights for this Russian edition
arranged through KODANSHA LTD., Tokyo.

KODANSHA

Сюно, Масаюки.

С98 Человек-ножницы / Сюно Масаюки ; [перевод с японского А. Лебедевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Ток. Японские пазлы. Детективы, взорвавшие жанр).

ISBN 978-5-04-242746-6

Я — серийный убийца № Е-12, он же Человек-ножницы. Убийца с особым почерком — я душу юных девушек, а потом втыкаю им в шею ножницы, заточенные до остроты ножа для колки льда. Почему я убиваю? Не смогу точно ответить на этот вопрос. Знаю только, что со мной явно не всё в порядке. В моей голове живет Доктор, главное занятие которого — жестоко критиковать меня. Он всегда был одной из моих главных проблем. Пока не случилось это...

Намечена новая жертва. Я, как всегда, долго наблюдаю за ней. Потом жду у дома, чтобы лишить жизни. Но она не появляется. Почуввав неладное, я решаю пройтись ее обычным маршрутом — и что же обнаруживаю? Ее труп с воткнутыми в шею ножницами... Как это, черт возьми, возможно?

Конечно, это убийство припишут мне. Но я-то знаю: у меня внезапно появился подражатель. Мне нужно во что бы то ни стало вычислить его. Раньше полиции. А это будет сложно — расследование возглавляет тренированный ФБР опытный про-файлер по прозвищу Псих...

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-242746-6

© Лебедева А., перевод на русский
язык, 2026
© Издание на русском языке,
оформление ООО «Издательство
Эксмо», 2026

*Посвящается Айками Ю,
который терпеливо выслушал меня
по телефону*

Чик, чик, чик — стрижет человек-ножницы,
Пресекая игры злодеев.
Чик, чик, чик — стрижет человек-ножницы.
Может быть, он придет и по твою душу.
Может быть, он придет и по твою душу.

ХТС¹ «Человек-ножницы»

---

¹ Британская рок-группа, относящаяся к числу первых команд альтернативного рока (New Wave); песня вышла в 1979 г.

1

Третья жертва Человека-ножницы живет в Такабане, квартале в специальном районе Мэгуро.

К слову, ранее мне никогда не приходилось слышать о нем, поэтому я понятия не имею, где именно в Мэгуро он находится, какая станция может быть к нему ближе всего и на какую линию метро нужно сесть, чтобы туда попасть.

Начнем с того, что на данный момент я даже неправильно читаю название этого квартала — «Такацугай». Конечно же, это происходит из-за ассоциации со словом «тёцугай»¹; мне сразу представляется какая-то гравюра периода Эдо с двумя соколами, летящими крыло к крылу по голубому небу.

Сегодня пятница, десятое октября. Решаю взять отгул на работе и поехать в Такабан. Я все еще не знаю, как выглядит Юкико. Решаю, что на сегодня будет достаточно просто выяснить, где она живет.

---

¹ Слово «тё: цугай» (яп. 蝶番) означает дверные петли и происходит от выражения «пара бабочек», так как они напоминают бабочек с раскинутыми крыльями. Название квартала «Такабан» (яп. 鷹番) состоит из иероглифа «сокол» (яп. 鷹 *така*) и «номер/очередь» (яп. 番), также стоящего вторым в слове «тё: цугай». Несмотря на то что самым распространенным чтением данного иероглифа все же является *бан*, подобные ассоциации могут сбить человека с толку.

За завтраком — тосты, яичница-болтунья, брокколи, сваренная накануне вечером, и кофе со щедрой долей молока — открываю на круглом столе свой любимый карманный атлас Токио и нахожу страницу с Мэгуро.

«Такацугай» находится практически в центре района. Зажатый между проспектами Комадзава и Мэгуро, он лежит на железнодорожной линии Тоёко. Ближайшая станция — Гакугэй-Дайгаку. Это значит, что мне нужно сесть на линию Маруноути, потом пересестись на Хибия, доехать по ней до станции Нака-Мэгуро, чтобы сделать еще одну пересадку на линию Тоёко, а затем выйти на станции Гакугэй-Дайгаку. Путь неблизкий и займет довольно много времени. Похоже, придется потратить на это весь день.

Я беру сумку, валяющуюся на полу с моего вчерашнего возвращения домой. Достая ксерокопии, сделанные на работе, и раскладываю их рядом с картой.

«Имя: Юкико Тарумия.

Адрес: Токио, район Мэгуро, квартал Такацугай, 4-13, Désir Himonya, квартира 503.

Телефон: 03...»

Нахожу указанный дом на карте. Он находится на углу, выходящем на проспект Мэгуро.

Значит, можно было бы сразу выйти на Нака-Мэгуро и сесть на автобус. Сэкономит ли это время?

Я откусываю кусок тоста, сочащегося маслом, и внимательно изучаю карту. Карманный атлас удобно носить с собой, но изображение настолько мелкое, что начинают болеть глаза и трудно понять, как далеко от проспекта на самом деле находится станция.

После недолгих раздумий выбираю удобство пересадки в метро, а не непредсказуемый по своей длине наземный путь и решаю ехать на Гакугэй-Дайгаку.

Кладу пустую тарелку и кружку в раковину, натягиваю джемпер и джинсы и надеваю часы. Сейчас семь утра. Рановато, но я еду туда впервые, поэтому хотелось бы обойтись без спешки.

Надев кроссовки, выхожу из квартиры. Сегодня я лишь присматриваюсь, поэтому сумка мне не нужна. Запираю дверь и спускаюсь по слабо освещенной лестнице.

Мой риелтор настаивал, что этот дом состоит из одних однокомнатных квартир, но, по сути, это обычный бетонный многоквартирный дом. Без понятия, сколько ему лет, и риелтор тщательно избегал этой темы; но в любом случае это явно довольно старое здание.

Стены лестничной клетки грязного, выцветшего желтого цвета, а на нескольких этажах нет освещения. И дело не только в том, что лампочки перегорели — проблема и в самой проводке. У этого дома есть две отличительные черты: полное безразличие жильцов друг к другу и близость к станции метро. Первое стало очевидным уже после переезда, а второе стало основной причиной, по которой эта квартира мне приглянулась.

Выйдя из подъезда, я перехожу дорогу и оказываюсь прямо у станции. Реклама от агентства недвижимости, в которой говорилось, что «квартира находится в минуте от метро», была не преувеличением, граничащим с мошенничеством, а весьма скромной и сдержанной констатацией факта. А бегом получилось бы еще быстрее.

В этом районе линия Маруноути выходит на поверхность, и станция находится над землей. И хоть это не такое уж и редкое явление — подниматься по лестнице, чтобы зайти в метро, — все же кажется немного странным.

Поезд в центр забит людьми, спешащими на работу и в учебные заведения. Взгляд сам собой останавливается на молодых девушках.

Первое время в Токио мне на глаза часто попадались старшеклассницы с нарисованными стрелками, выкрасившие волосы в ржавый цвет и подбравшие брови, на щиколотках которых болтались свободные носки. Они выглядели как орангутаны с дерматозом на ногах, если так вообще можно выразиться, — а сейчас писком моды среди девушек-подростков, похоже, стало полное обесцвечивание волос. Сочетание идеально серебряной шевелюры, как у Доктора, и школьной формы с матросскими воротниками выглядит довольно жутко, будто это не девушки, а пожилые стриптизерши, напялившие одежду для номера на улице. Однако сами школьницы наверняка убеждены, что во всем мире нет никого круче. Каждая стоит, гордо выпятив грудь, и демонстрирует другим пассажирам самодовольное выражение лица.

Но что же они делают, когда приходят на уроки? Вряд ли ведь существует школа, разрешающая осветлять волосы. Может, они берут краску у своих матерей и красят волосы где-нибудь в туалетах метро?

Держась за поручень, я думаю о Юкико, с которой мы еще никогда не встречались. Не выжгла ли она свои волосы тоже? Нет, такой неестественный серебристый цвет ей бы не подошел. Увидеть ее такой стало бы большим разочарованием. Надеюсь, она сохранила свой натуральный черный цвет волос.

Пройдя через длинный подземный переход, я оказываюсь на Хибия, сажусь на скамейку на платформе и решаю подождать поезд, идущий прямо до линии Тоёко. По привычке я пробегаюсь глазами по рекламе

журналов, расклеенной на стене станции. Заголовки пестрят самыми разными новостями: в африканской республике вспыхнула гражданская война; из-за холодного лета подскочили цены на рис; зимой в моду войдет искусственный мех; школьники называют крайне популярный тренд на осветление волос «сирокэ» («белые волосы», по всей видимости) — и так далее.

Вероятно, все это может быть для кого-то важным, но точно не для меня. Мне плевать, что происходит в какой-то африканской стране с непроизносимым названием. Я люблю хлеб больше риса. Я не ношу шубы. И школьники с осветленными волосами мне совершенно не интересны.

Меня интересует Человек-ножницы.

Но теперь он, похоже, перестал быть любимцем СМИ, героем таблоидов и постоянной темой ток-шоу, как это было раньше. В конце концов, прошло уже больше полугода с момента убийства последней жертвы, так что у журналистов, должно быть, закончился материал для репортажей. И пока Человек-ножницы бездействует, в мире продолжают происходить инциденты, несчастные случаи и скандалы, также заслуживающие широкой огласки.

Я не жалею, что Человек-ножницы утратил былую популярность. Напротив, я давно только этого и желаю: и когда в префектуре Сайтама была убита Мина Кониси, и когда у Токийского залива нашли тело Масаё Мацубары. Пока есть жертвы, СМИ неизбежно будут поднимать шум. А пока хотелось бы, чтобы о Человеке-ножницы вспоминали как можно реже. В идеале его вообще следовало бы забыть.

Оранжевый поезд прибывает на станцию Хибия. Людей в нем немного — возможно, потому что он дви-

жется из центра города, — и я могу спокойно занять все трехместное сиденье.

Поезд проходит через темный туннель на станции Нака-Мэгуро и выезжает на поверхность. С путей линии Маруноути он снова уходит под землю, а затем выходит уже на наземные пути линии Тоёко. Я пересекаю центр города с севера на юг под землей, будто какой-то крот, боящийся небоскребов.

За окном простирается хмурое, пасмурное небо. Осенние дожди задержались в городе, и уже несколько дней в облаках не видно даже маленького просвета. Скоро День физкультуры — непогода наверняка испортит спортивные мероприятия. Отменят ли их в старшей школе¹ Хадзакура Гакуэн, где учится Юкико Тарумия?

Я выхожу на остановке Гакугэй-Дайгаку, расплачиваюсь в автомате и выхожу на улицу.

Пересекая эстакадную станцию, я рассматриваю компактную торговую улочку. Книжный, закусочная, универсальный магазин, магазин электроники, лавка с лапшой соба — все это можно найти около любой станции. На тонкой проволоке, натянутой между столбами, висят дешевые искусственные цветы, а из динамиков тихо звучит классическая музыка.

Сверившись со своим атласом, я сую его обратно в задний карман джинсов и направляюсь к проспекту Мэгуро. Если верить карте, я уже нахожусь в «Такацугае» и иду в сторону дома Юкико.

После торговой улицы начинается узкий тротуар. Справа появляется высокий решетчатый забор, за которым находится мощное, солидное здание. На его крыше

---

¹ В японской старшей школе учатся с 15–16 до 17–18 лет.

стоит огромная железная башня, окрашенная в праздничные красный и белый цвета. Это филиал NTT¹ в Мэгуро. Похоже, пока все правильно.

Далее я выхожу на широкий проспект — проспект Мэгуро. Эта надпись на синем указателе продублирована на японском и английском. Я останавливаюсь на перекрестке с названием храма и снова смотрю на карту. Сравнив ее с тем, что вижу перед собой, определяю положение NTT и почты. Чтобы найти дом Юкико, видимо, нужно свернуть направо.

Продолжаю идти, пока не упрусь в столб с синей табличкой «Такацугай, 4» — здесь я сворачиваю вглубь квартала, и теперь мне не остается ничего, кроме как проверять названия каждой многоэтажки. Так я начинаю исследовать лабиринты переулков.

Меня поражает, насколько же в Токио много многоквартирных домов.

И после двадцати минут блужданий я наконец замечаю здание кирпичного цвета. Не знаю, к какому архитектурному стилю можно его отнести, но этот дом напоминает гигантскую многоступенчатую платформу из песчаника, лежащую на боку. Стена, выходящая на проспект, изрезана карнизами; прямоугольные длинные стороны образуют балконы, а на коротких видны небольшие окна — вероятно, ванн или туалетов. Над полностью застекленным входом каллиграфичным шрифтом выгравировано *Désir Himouya*. Им же на маленькой постройке с сеткой у дома написано «Пункт приема мусора *Désir Himouya*». Нужны ли обычной мусорке такие почести?

---

¹ Nippon Telegraph and Telephone (NTT) — крупнейшая телекоммуникационная компания Японии.

Двери открываются автоматически, и я оказываюсь в вестибюле, выложенном плиткой светлых пастельных тонов. Рядом с входом стоит изящная консоль. Нельзя пройти дальше, пока не наберешь номер квартиры и не позвонишь в домофон, чтобы тебе открыли. Эта безликая металлическая кукла бдит день и ночь, охраняя покой жильцов.

Сегодня у меня нет необходимости проходить дальше. Я приближаюсь к ряду почтовых ящиков, встроенных в стену на дальнем конце вестибюля, и проверяю надпись на ящичке с номером 503.

«Кадзухиро Тарумия».

Видимо, так зовут отца Юкико.

Получив все, что мне было нужно, я глажу железную лысину стража этого дома и выхожу на улицу.

Запомнив маршрут, возвращаюсь на проспект и решаю попробовать доехать до станции Нака-Мэгуро на автобусе. Остановку даже искать не приходится. И, подняв глаза, чтобы посмотреть расписание, я наконец понимаю свою ошибку.

На круглой табличке красуется название «Такабан». Не «Такацугай». Образ пары ястребов, расправивших свои длинные крылья и величественно парящих в голубом небе, исчезает без следа.

2

Чтобы узнать, как выглядит Юкико Тарумия, мне нужно будет снова приехать к ее дому в будний день.

Но в девять часов утра следующего дня я отправляюсь на подработку.

Мое нынешнее место работы, издательство «Химу-рокава», находится на станции Канда Огавамати — это

значит, что я могу доехать до него по прямой. И это является одной из главных причин, почему я работаю там уже более двух лет, побив свой рекорд по работе без перерыва.

Выйдя на станции Авадзитё линии Маруноути, я поднимаюсь на поверхность и сворачиваю в переулок, немного отдаленный от главной улицы. Так я оказываюсь у пятиэтажного здания издательства — хотя на самом деле они им не владеют. «Химурокава» просто арендует третий и четвертый этажи. Несмотря на то что это издательство, оно совсем маленькое: в штате работает чуть больше десяти сотрудников.

Зайдя в лифт, я нажимаю на редкую в наше время выпуклую круглую кнопку и поднимаюсь вверх.

На третьем этаже находится отдел продаж, на четвертом — редакция; номинально они разделены, но на самом деле никакой четкой структуры нет. В самые напряженные периоды ближе к концу месяца я и еще двое сотрудников, работающих на полставки, вынуждены пахать на пределе (и, возможно, даже за пределами) своих возможностей и там, и там.

Классическая ситуация: сделаешь на четвертом этаже пятьдесят с лишним бумажек-копий — спускаешься на третий сортировать учебные материалы, попутно помогая с упаковкой и отправкой. После снова поднимаешься наверх, берешь красную ручку и делаешь вид, что корректируешь тексты, или надеваешь тонкие виниловые перчатки и раскладываешь по конвертам фотопозитивы. В этот момент от главного редактора, госпожи Окадзимы, приходит поручение: у такого-то профессора из такого-то университета необходимо забрать его рукопись, и ты со всех ног мчишься на нужный адрес, чтобы узнать, что великий труд, как всегда,